

ИЛЛЯ ЭНТУС

ЕГОРКА-
СНЕГИРЁК

0+

Илья Энтус
Егорка-снегирёк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Энтус И.

Егорка-снегирёк / И. Энтус — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В канун Нового года, отец отправил Егорку в лес, собрать клюквы для Новогоднего стола. На обратном пути мальчик съехал с лыжни и ударился о ёлочку, на которую рассердился и попытался сломать, однако был остановлен проходящим мимо дедушкой, на поверку оказавшимся самим Дедом Морозом. Решив преподать Егорке урок, Дед Мороз превратил его в снегиря, дабы мальчик почувствовал, какого это - быть маленьким и беззащитным в лесу. Тут и начались Егоркины приключения - сперва он научился летать, потом спас синичку из когтей лесного филина, и едва не стал жертвой до боли знакомой рогатки - всё для того, чтобы понять, что такое настоящая смелость и дружба.

© Энтус И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Илья Энтус

Егорка-снегирёк

Широкие охотничьи лыжи, выструганные отцом из осины и тщательно смазанные парафином, споро катили по свежему снегу, торопясь поскорей доставить маленького ездока в пункт назначения. Егорке не было еще и восьми лет, а его – виданное ли дело! – уже отправили в лес, совершенно одного, собрать клюквы для новогоднего стола.

Как он гордился собой! Заячьего меха шапка с ушами залихватски торчала на самой макушке, роскошный, почти новый, короткий полушубок был застегнут на две пуговицы, выпроставшийся из-под него шарф шлейфом вился вслед за маленьким лыжником. Жаль только теплые, ватные штаны были чуть длинноваты, снег быстро набивался в них, и приходилось порой останавливаться ненадолго, отряхиваться. Но то были мелочи – по сравнению с тем, каким важным ощущал себя Егорка.

Вот бы его кто заметил из соседских мальчишек – тю, да они бы от зависти позеленели! Идет, скажем, Ванька Пашнин, с Центральной улицы, из дома номер четыре, ворчит себе под нос, как он это обычно делает, а тут Егорка мчит на лыжах мимо, да с такой скоростью, что Ваньку крутанет непременно вокруг своей оси, усядется он в сугроб, поправит шапку, и скажет, удивленно:

– Во даёт!

Но это уж он так, фантазировал. Нечего было Ваньке Пашнину в лесу делать, его дальше ограды-то бабушка редко пускала. Егорка, бывало, дразнил его за это, «Палисадником» обзывал. А Ванька все ворчал, да ворчал, и глядел на него хмуро, исподлобья.

В лесу пахло хвоей, древесной корой, да откуда-то со стороны деревни тянуло печным дымком. Эх, хорошо! Синее небо, такое гладкое и высокое, тишина, изредка нарушаемая перестуком дятла или свистом падающей с дерева шишки, скрип лыж и его, Егоркино, дыхание, горячее-прегорячее, такое, что даже шарф промок – что еще нужно для счастья?

Клюква, вот что. Недаром его отец отправил в лес, не просто ведь так, а с поручением, и поручением важным, особенным. Разве может какой стол, под Новый год, без клюквы обойтись? Знамо дело, то не стол будет, а так, столик. Но он, Егорка, празднику пропасть не даст, и ягоду, что найдет, домой принесет. Вот так, и не иначе.

Где искать клюкву, Егорка хорошо знал – не раз они с отцом ходили вглубь леса, туда, где ели громадными кронами заслоняли небосвод, нет-нет да покряхтывая пудовыми ветвями, будто они у них затекали, как у людей – запястья. Что таить, страшновато бывало Егорке в чаще, виделось ему, будто они с отцом путники, что забрели по незнанию, куда не следует, и вот-вот лесные духи их за это накажут – подзатыльников надают, или за уши оттааскают.

Вот отец – тот ничего и никогда не боялся. Егорка, бывало, вздрагивал от звуков, а отец только знай себе лоб хмурил, да из под бровей сдвинутых смотрел на него, а взгляд такой добрый-предобрый, надежный и уверенный. И тогда он успокаивался – знал, что уж кто-кто, а отец его в обиду точно не даст.

Но то вдвоем, а сегодня он совершенно один в лес поехал, как взрослый. С самого утра, как мама с сестрой начали на стол собирать, отец подошел к Егорке, положил крепкую ладонь на его плечо, и прогудел сверху:

– Ты вот что, сын, бери-ка лыжи, оденься тепло, и давай в лес, за клюквой. Сумку на пояс возьми, набери полную, и чтобы сразу домой, туда и обратно. Я тут пока по хозяйству пригожусь матери, туда съездить, здесь пособить. Ну, в общем, рассчитываю я на тебя. Справишься?

Да разве же мог он не справиться, когда на него рассчитывают? Отец еще не успел фразы закончить, а Егорка уже лыжи напяливал – как от такого приключения отказаться? В конце концов, ему почти восемь лет уже – пора на взрослые дела отправиться!

Все темнее и тише становилось в лесу, пригорки сгладились, дорожка стала пологой – теперь Егорке приходилось отталкиваться посильней, порезче. Снег стал мягче – стало быть, болотца, на которых росла клюква, уже совсем недалеко, за ближайшим поворотом. Зимой они, конечно, промерзали, да и глубокими не были, но все равно, стоило соблюдать осторожность, не то промочишь ноги, а это верный путь к грелке, противному теплему молоку с медом, градуснику и таблеткам. Чего-чего, а уж болеть Егорка не любил, а значит, нужно быть внимательней.

Замер лес, будто его врасплох застали, и уставился на мальчика удивлённым взглядом, мелькавшим сквозь стволы деревьев, размышляя, что ему делать с непрошенным гостем: напугать, чтоб поджилки затряслись, или клюквой угостить, и отпустить восвояси. Вздохнул, поскрипел для порядку ветвями, да перестал – не стал мальчишке праздник портить. Что ему, лесу, ягоды мало?

Егорка присел на корточки, и ну клюкву собирать, да быстро так, едва успевает пальцами перебирать. Красная, кислая ягода, полезная – цены нет! Мама много чего с клюквой готовила, даже пироги с ней пекла, а еще с брусникой да с жимолостью. Вкусные – пальчики оближешь!

Минут двадцать Егорка в чаще провел, не больше, а клюквы – полную сумку поясную собрал. Ну, теперь можно и обратно, домой. Затянул он лыжи покрепче, штаны поправил, шапку опустил – и в путь двинулся.

«Быстро я обернулся. Теперь можно перед ребятами хвастаться – мало того, что один ездил, управился со всем, так еще и ягоды набрал – на зависть каждому!»

Да только пока Егорка так рассуждал, мечтал, да в облаках летал, отвлекся он и не заметил, как дорожка внезапно в сторону вильнула. Такое с ними, дорожками, частенько случается – вроде, только что по прямой шла, а едва голову повернул – и раз! – свернула, куда ей вздумается.

За внезапно появившимся своротком ель росла – маленькая, тонкостволовая, совсем юная, даже ветвей еще было – раз, два, и обчёлся. Вот в неё-то Егорка и влетел – хорошо еще, что скорость как следует набрать не успел. Со всей силы ударился лбом, лыжи в разные стороны отскочили, полушубок едва по шву не разошелся – вот было бы дело!

Открыл глаза Егорка – а над ним синее-пресинее небо, и на лбу будто бы шишка набухает. Поднялся, глядь, а клюква из пояска рассыпалась, и по снегу там и сям валяется.

Рассердился мальчик, естественно, на ёлочку – а на кого еще, не на себя же, любимого? Лоб тронул – и точно, шишка едва не с грецкий орех размером. Пуше прежнего осерчал Егорка, вскочил с земли, да как вцепится в ель, и ну качать туда-сюда, силясь ствол ей поломать. Треплет ее, шатает и приговаривает:

– У-у, хворостина бесполезная, что ты тут выросла, места лучше не нашла? Ну, я тебе задам! Уж я тебе покажу, как на пути моем вставать!

И тут, вдруг, из-за спины его звук какой-то послышался, снег захрустел, и кто-то спрашивает, строгим-престрогим голосом:

– Это кто тут невинное деревце ломает? Кто безобразничает? А ну, покажись-ка мне!

У Егорки от испуга спина мурашками покрылась, а ноги ватными стали, чуть снова навзничь не свалился. Обернулся он, и видит – старик перед ним стоит. Невысокий, кряжистый, румяный. Борода у него серая, нечесаная и длинная, шапка набекрень одета, и валенки высокие, до колена, да все в заплатках.

И смотрит он на Егорку из-под бровей кустистых, в упор глядит, будто что скрытое рассмотреть желает. Взгляд сердитый, глаз не отводит.

– Ты, – говорит, – зачем елочку погубить удумал? Она на своем месте растет, что ей природа-матушка отвела. А тут, надо-же, приехал, молодой, безусый, да на расправу скорый. Что же она тебе такого сделала?

– Вот! – сказал обиженно Егорка, на шишку показывая, – по лбу меня отходила, да еще клюкву из-за нее рассыпал, и лыжи потерял!

– Мало она тебе всыпала, – пуще прежнего строжится дед, – я бы еще добавил! В своих собственных промахах другого обвинять – это, брат, дело последнее, так только слабаки, да трусы поступают. Ты из их числа, выходит?

– Ничего не из их числа! – воскликнул Егорка. Рассердился он на деда, что тот его трусом счел, – я сегодня совсем один в лес поехал, клюквы набрать, разве это не смело? Нечего мне тут указывать, и в трусости корить, иди-ка ты, дедушка, своей дорогой, а я – своей пойду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.